

**Кравченко Ю. В. (ВолГУ),
Панкратов С. А. (канд. полит. наук, доцент ВолГУ)**

Представление концепции социального конструирования реальности в рамках институционального подхода

По мнению авторов труда «Социальное конструирование реальности» – П. Бергера и Т. Лукмана, – истоки возникновения социальных институтов нужно искать в физической природе человеческих существ. Биологические особенности организма человека не позволяют ему в должной мере стабилизировать и упорядочивать свое существование (самым ярким примером подобной особенности является пластичность человеческой сексуальности). Поэтому стремление скоординировать социальную составляющую своей жизни есть антропологическая необходимость для успешного выживания: «Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Человек должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими. Эти биологические факторы выступают в качестве необходимых предпосылок создания социального порядка» [1, с.89].

Одной из особенностей институтов, по Бергеру и Лукману, является их историчность. Институты не возникают одномоментно, для их создания процесс взаимных типизаций действий социальных акторов должен занять длительное время. Понять сущность конкретного института невозможно без изучения истории, продуктом которой он является.

Кроме того, социальные институты всегда предполагают контроль: не только созданием системы санкций за нарушение норм поведения, а самим фактом «навязывания» членам общества конкретного образа действий, который по своей сути всегда является одним вариантом из ряда возможных. Создание институционализированных практик есть создание мощного инструмента социального контроля, сам же этот контроль является первичным и основным, в то время как механизм санкций – вторичным, вспомогательным; последний требуется лишь в том случае, когда процессы институционализации осуществляются не вполне успешно. Отсюда легко заключить, что сущность института – это ограничение человеческой деятельности, служение ее стабилизации.

Процесс создания институциональных структур происходит в несколько этапов. Необходимым условием этого процесса является возможность опривычивания различных видов человеческой деятельности: любое действие, которое часто повторяется, становится образцом. В дальнейшем такой образец может быть воспроизведен со значительной экономией усилий, ведь индивид освобождается от бремени выбора, взаимодействие с другими акторами становится предсказуемым, тем самым снимается излишнее напряжение. Таким образом, за счет хабиутализации «задний план опривыченной деятельности предоставляет возможности переднему плану для рассуждения и инновации» [1, с.91].

Именно хабиутализация делает возможным создание институтов: рутинные действия постепенно классифицируются, «типизируются», а институт – это ничто иное как «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [1, с.92]. Поэтому типизация – это второй шаг институционализации.

При этом авторы подчеркивают, что в процессе институционализации важным является не только взаимность типизаций и типичность действий, но и типичность деятелей, иначе говоря, «институт исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелями типа X» [1, с.92]. Именно это обеспечивает доступность понимания совершаемых действий для всех членов социальной группы или общества в целом.

При передаче знаний о системе типизированных действий новому поколению эта система обогащается еще одним качеством – объективностью. Новое поколение приходит в мир, в котором уже сложились определенные социальные отношения, поэтому институты воспринимаются индивидами «как обладающие собственной реальностью; реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним и принудительным фактом» [1, с.98]. Так же, как и природные явления, для детей социальные институты не являются «прозрачными», а возможность их изменения или аннулирования не мыслится. Именно данный факт определяет значимость для институционализации фактора времени – закрепленные при передаче новому поколению индивидов институциональные участки взаимодействий приобретают устойчивость и объективность.

Для каждого обывателя институты существовали до его рождения и будут существовать после его смерти. Однако историчность и субъективная фактичность институциональных образований не должна мешать исследователю понимать, что объективность институтов сконструирована

самим человеком. Процесс, посредством которого экстернализированные продукты человеческой деятельности превращаются в объективную реальность, Бергер и Лукман обозначают как «объективацию». Весь институциональный мир и отдельные институты – это объективированная человеческая деятельность. Последней ступенью объективации выступает реификация – полное овеществление социальной реальности. Парадокс заключается в том, что человек сам создает социальный мир, который затем воспринимает как нечто независимое, не предоставляющее возможности корректировки и изменения.

В целом взаимосвязь между создаваемым человеком социальным миром и влиянием последнего на дальнейшее существование человека авторы представляют в виде взаимозависимости выделяемых ими «трех диалектических моментов социальной реальности»:

- общество как человеческий продукт;
- общество как объективная реальность;
- человек как социальный продукт.

Человек в ходе экстернализации упорядочивает мир вокруг себя, в том числе и социальные взаимодействия, тем самым конструируя особенности общественного устройства. Затем, объективируя социальные связи и процессы, человек придает обществу характер объективности. Наконец, усваивая в процессе социализации институциональные структуры окружающего его социального мира, человек подвергается такому мощному давлению со стороны общества, что каждый индивид во многом становится «социальным продуктом».

Авторы подчеркивают, что «лишь с передачей социального мира новому поколению ... фундаментальная социальная диалектика приобретает завершенность» [1, с.102–103].

Устойчивость институционального мира, передаваемого новым поколениям социальных акторов «по наследству», требует специальных способов оправдания и объяснения, то есть легитимации: «первоначальный смысл институтов недоступен их пониманию в терминах памяти. Поэтому теперь необходимо истолковать им этот смысл в различных формулах легитимации» [1, с.103]. Таким образом, легитимация – это завершающий шаг в конструировании социальных институтов. Однако исследователю требуется помнить, что связное объяснение смысла существования институтов проистекает не из их внутренней логики развития или внешней функциональности, а из интенциональности рефлексии

рующего человеческого сознания. Наложение логики на объективированный социальный мир производится с помощью языка, следовательно, язык выступает основным инструментом легитимации институционального порядка. Бергер и Лукман указывают, что для передачи седиментированных значений индивидуального опыта в принципе может применяться любая знаковая система, но язык оказывается универсальным и наиболее эффективным средством.

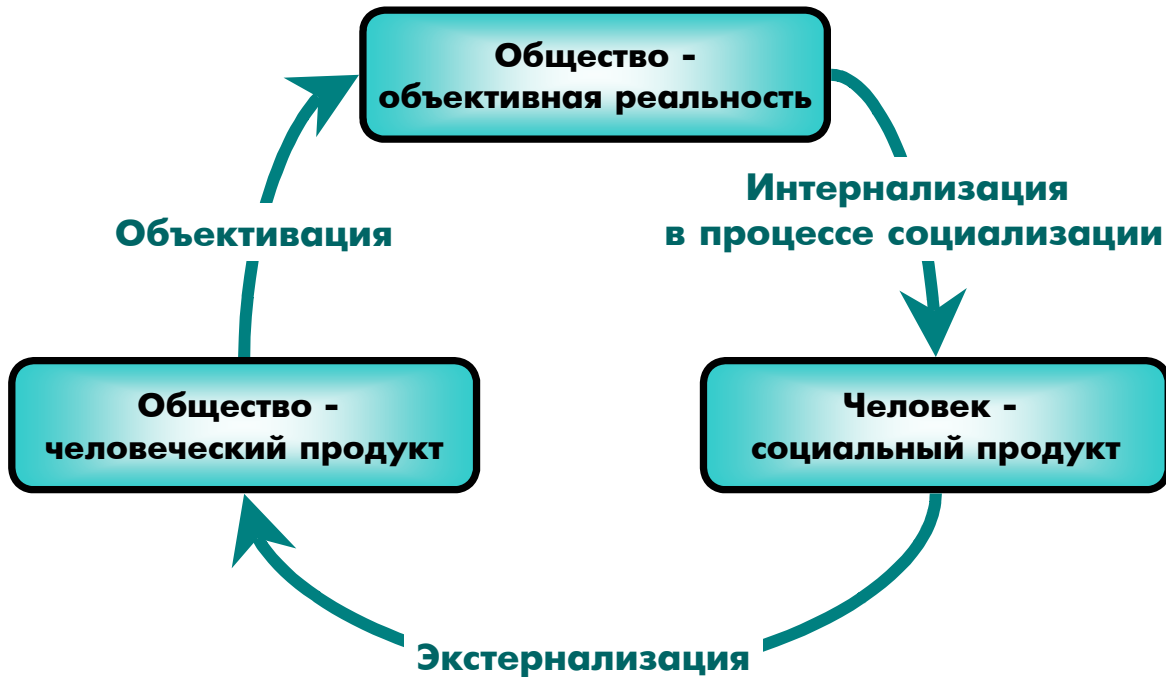

Рис. 1. Диалектическая связь трех моментов социального мира в концепции П. Бергера и Т. Лукмана

Обычно передача смысла института состоит в обеспечении признания обществом этого института как «перманентного» решения «перманентной» проблемы [1, с.116], а чтобы индивиды – потенциальные участники институционализированных действий – успешно воспринимали этот смысл, институциональные значения должны быть максимально упрощены и представать в форме «стереотипов», что гарантирует их запоминаемость.

Кроме того, для повышения надежности процесса передачи институциональных значений могут использоваться мнемотехнические вспомогательные средства – символические средства (фетиши, эмблемы) и символические действия (разного рода ритуалы).

Как отмечалось выше, при институционализации важное значение имеет типизация не только действий, но и деятелей. Лингвистическая объективация типизированных деятелей производит понятие «ролей», которые позволяют институтам «воплощаться в индивидуальном опыте». Происхождение ролей связано с процессом институционализации деятельности, а значит, исполнители ролей подвергаются принуждению. Репрезентируя институты в жизни социальных акторов, роли позволяют институтам существовать длительное время. Роли, также как и институциональный порядок в целом, могут подвергаться реификации, вследствие чего индивиды воспринимают роль в качестве «неизбежной судьбы», уменьшая субъективную дистанцию между собой и своим исполнением роли.

Некоторые роли лучше других символически представляют институциональный порядок во всей его целостности, что имеет стратегическое значение для интеграции общества. Примечательно, что такие роли, репрезентирующие порядок всех институциональных образований, чаще всего «оказывались в ведении политического или религиозного институтов» [1, с.126].

Бергер и Лукман полагают, что проблема преодоления негативных последствий сегментированности институционального порядка в любом реальном социуме решается за счет действия феномена, который обозначается ими как «смысловой универсум», – системы теоретической традиции, которая придает объективный смысл различным видам институционализированной деятельности, тем самым способствуя интеграции общества. В то же время в обществе одновременно существуют и конкурируют друг с другом изолированные смысловые подуниверсумы, которые строятся по разным критериям – полу, возрасту, профессии, религиозным предпочтениям и т. д. По мере возрастания самостоятельности и независимости отдельных смысловых подуниверсумов все более актуальной становится проблема их легитимации для непосвященных социальных акторов, для которых эти специальные подуниверсумы являются «герметически закрытыми» эзотерическими анклавами. В том случае, если институциональные действия требуют для себя специальные привилегии и признание значительной части членов общества, соответствующий смысловой подуниверсум сталкивается с проблемой, как «оставить в неведении непосвященных и получить признание от них легитимности этой процедуры». Наиболее распространенными механизмами достижения цели в такой ситуации является использование «механизмов устрашения, рациональной и иррациональной пропаганды (обращенной как к эмоциям, так и к интересам непосвященных), мистификации и вообще манипуляции престижными символами» [1, с.143].

В общем случае легитимация имеет целью интеграцию того или иного рода, она «оправдывает институциональный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам» [1, с.152]. Аналитически легитимация может быть разделена на несколько уровней своего осуществления:

- дотеоретическое знание (объяснение по типу «так уж устроены вещи»);
- теоретические утверждения в зачаточной форме (объяснительные схемы, поговорки, легенды, сказки и т. д.);
- уровень теорий (создание дифференцированной системы знаний);
- символический универсум (всеобъемлющая система отсчета, система знаний, содержащей различные области социально объективированных и субъективно реальных значений, отображение институционального порядка во всей его целостности).

Смысловой универсум есть теоретическая конструкция, которая легитимирует институциональный порядок на самом высоком уровне общности. При этом авторы подчеркивают, что символические процессы по своей сути являются процессами сигнификации (обозначения), оперирующими реальностями, не имеющими отношения к реальности повседневной жизни.

Концепция социального конструирования реальности Бергера и Лукмана принадлежит к так называемым интегративным теориям, то есть теориям, пытающимся преодолеть противоречия структурного и деятельностного подходов в социологии. Авторы утверждают, что человеческая природа является социокультурной переменной, а значит, несмотря на предельные возможности биологического организма, воспринимая и впитывая с самых ранних этапов своего развития особенности социальной среды, «человек создает самого себя», а «создание человеком самого себя всегда и неизбежно – предприятие социальное» [1, с.83–86].

Список использованной литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.